

Учебник уголовного права

Часть общая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
У91

У91 Учебник уголовного права: Часть общая / – М.: Книга по Требованию, 2014. –
78 с.

ISBN 978-5-458-06882-6

Учебник уголовного права

ISBN 978-5-458-06882-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Понятіе объ уголовномъ правѣ. Говоря объ уголовномъ правѣ, равно какъ и о правѣ вообще, мы разумѣемъ его въ двойномъ смыслѣ: въ смыслъ субъективномъ и объективномъ. Уголовное право въ субъективномъ смыслѣ означаетъ право или власть наказывать (*jus puniedi*); напротивъ, въ смыслъ объективномъ подъ уголовнымъ правомъ (*jus criminale*) разумѣютъ совокупность законныхъ постановленій, служащихъ къ приведенію въ дѣйствіе уголовного права въ субъективномъ смыслѣ. Въ наукѣ уголовного права намъ, конечно, прежде всего представится эта совокупность постановленій и даже въ систематическомъ порядкѣ, вытекающимъ изъ внутреннихъ оснований. Кроме того, объективное понятіе о правѣ важно еще и потому, что изъ него вытекаетъ необходимое основаніе для понятія о субъективномъ правѣ или власти. Можно имѣть право тогда только, если оно сообщается правомъ объективнымъ; изъ законнаго уже постановленія вытекаетъ власть для какого нибудь опредѣленнаго субъекта права. Правила для приведенія въ дѣйствіе права (субъективнаго) наказывать опирается на законныя постановленія, приводимыя объективнымъ правомъ для той сферы человѣческой дѣятельности, которую мы называемъ «караніемъ». Сказавъ, что уголовное право есть совокупность законныхъ постановленій, служащихъ для отправленія карательной власти, мы этимъ конечно опредѣлили понятіе въ обширномъ смыслѣ. Въ наукѣ же права, это понятіе распадается на двойное:

1) Само по себѣ оно не имѣетъ никакого отношенія къ государству. Нѣтъ никакой логически необходимой связи между наказаніемъ и государствомъ въ томъ смыслѣ, что первое могло бы явиться только какъ государственная функція. Наказывать — значитъ причинить

кому-либо зло, как следствие какого-либо совершенного имъ наказуемаго дѣянія, такъ, отецъ наказываетъ дѣтей, учитель ученика, церковь вѣрующихъ и пр., можно даже привести законныя постановленія для отправленія карательной власти семейства, школы, церкви, но отъ этого нужно отличать просто «уголовное право», означая этимъ словомъ право, исходящее изъ государства. Но даже въ этой, болѣе тѣсной, сферѣ обыкновенно проводятъ еще дальнѣйшія подраздѣленія вслѣдствіе рациональной специализаціи труда, такъ законныя постановленія о дисциплинарной карательной власти государства по отношенію къ чиновникамъ, о наказаніи за полицейскія проступки и таможенныя злоупотребленія предоставляются обыкновенно публицистамъ и экономистамъ. Но полагать, что эти виды власти (*disciplines*) не имѣютъ своего корня въ этическомъ основномъ понятіи о наказаніи, значитъ не понимать истиннаго положенія дѣлъ. Это понятіе должно быть развиваемо безъ всякаго спеціальнаго отношенія къ собственно уголовнымъ наказаніямъ, такъ чтобы оно являлось краеугольнымъ камнемъ для рациональнаго отправленія карательной дѣятельности во всѣхъ сферахъ жизни.

2) Изъ понятія уголовного права исключаютъ такъ называемое *формальное* право или уголовное судопроизводство, т. е. совокупность тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя устанавливаютъ формы для совершенія наказанія. Поэтому подъ уголовнымъ правомъ въ тѣсномъ смыслѣ нужно разумѣть только право *матеріальное*, независимо отъ юридическихъ нормъ, служащихъ для уголовного судопроизводства.

§ 2. Теоріи наказаній. Извѣстно, что государство караетъ преступленія, присуждаетъ къ чувствительнѣйшимъ наказаніямъ и что ему приписывается право подобныхъ дѣяній. Спрашивается, должны ли мы слѣпо подчиняться этому порядку, какъ разъ установленному властью или мы имѣемъ право, и не требуетъ ли даже наше собственное достоинство, доискиваться разумныхъ основаній наказанія? Важность вопроса о наказаніи была сознаваема еще въ древности; уже тогда возбуждался вопросъ: почему и для чего необходимо наказаніе? еще за нѣсколько тысячелѣтій великіе греческіе философы Платонъ и Аристотель пытались дать себѣ въ этомъ отчетъ, пытались, слѣдовательно, основать такъ называемую теорію наказаній.

Понятно, что здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе и обсужденіе различныхъ теорій наказаній, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя общія замѣчанія будутъ не лишни и даже необходимы.

Теоріи наказаній распадаются на *относительныя* и *абсолютныя* (есть еще такъ называемыя *смѣшанныя* теоріи, но эти теоріи суть ничто иное, какъ сочетаніе теорій относительныхъ, такъ какъ о смѣшеніи послѣднихъ съ абсолютными не можетъ быть и рѣчи). Такъ какъ наказаніе само по себѣ есть по необходимости нѣчто относительное (а именно, относится къ чему-либо предшествующему, какъ его слѣдствіе), то понятно, что выраженіе «абсолютное» не вполне подходитъ къ тѣмъ теоріямъ, которыя въ томъ именно находятъ полное основаніе наказанія, что оно есть слѣдствіе предшествовавшего человѣческаго дѣянія, какъ неизбѣжное зло. Но относительныя теоріи не останавливаются на этомъ необходимомъ отношеніи наказанія къ предшествовавшему дѣянью; онѣ указываютъ еще на опредѣленную цѣль, которая можетъ быть достигнута наказаніемъ. Абсолютныя теоріи, въ противоположность относительнымъ, ограничиваются вообще слѣдующимъ положеніемъ: *punitur quia resecatum est*. Вслѣдствіе различія цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ, относительныя теоріи подраздѣляются на нѣсколько видовъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что всѣ эти подраздѣленія могутъ быть подведены къ тремъ теоріямъ: теоріи *полезности* (*Nutzungs-theorie*), *обезопасенія* и *исправленія*.

Тѣ, которые находятъ главное основаніе къ наказанію въ его полезности (каковы Гоббесъ, Бентамъ и др.), тѣмъ самымъ заранее отказываютъ отъ возможности оправдывать наказаніе. Теоріи обезопасенія (къ которымъ также относятся и теоріи *вознагражденія* (*Fergütungstheorien*)) вращаются въ сферѣ мысли о сохраненіи правового порядка. Онѣ оправдываютъ наказаніе тѣмъ, что оно ограждаетъ преступника отъ дальнѣйшихъ преступленій (*спеціальное предупрежденіе*) или служитъ вообще устрашеніемъ для всѣхъ гражданъ, какъ возможныхъ преступниковъ (*общее предупрежденіе*). Хотя между послѣдователями этого направленія мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Грильмана и Фейербаха, но тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, это направленіе оказывается весьма невѣрнымъ. Дѣйствительно, нѣтъ смысла утверждать, что наказаніе должно послѣдовать не за содѣянное уже преступленіе, а за возможность такого

въ будущемъ; нѣкъ никакого основанія наказывать *кого-либо* за то, что онъ современемъ можетъ совершить преступленіе или за то, что *другіе* могутъ сдѣлаться преступниками. Такимъ же образомъ странно отыскивать масштабъ наказанію, которое должно измѣряться впечатлѣніями, давшими въ душѣ преступника поводъ къ совершенію преступления. Если здѣсь все основано на психологическомъ изслѣдованіи устрашающаго дѣйствія наказанія, то въ этомъ еще болѣе чувствуется недостатокъ правильнаго психологическаго взгляда на мотивы, ведущіе къ преступленію и отъ него удерживающіе. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что понятіе о наказаніи, какъ средствѣ предупрежденія, ведетъ къ примѣненію наказанія и безъ предшествовавшаго понятія по отношенію къ опаснымъ субъектамъ, бродягамъ и пр. Теоріи предупрежденія имѣютъ въ новѣйшее время весьма мало сознательныхъ послѣдователей, хотя, какъ въ уложеніяхъ, такъ и на практикѣ, и теперь еще нерѣдко допускаются подобныя террористическіе взгляды, безъ всякаго въ этомъ яснаго отчета. Совершенно не то можно сказать о теоріяхъ *исправленія*, которыя, находясь на относительно высшей степеніи, своимъ гуманизмомъ и отчасти своей справедливостью и имѣютъ подкупающее вліяніе на умы, но тѣмъ не менѣе всякая послѣдовательная теорія исправленія извращаетъ понятіе о наказаніи. Совершенно отнимая у наказанія характеръ зла и считая его болѣе благодареніемъ, на которое преступникъ имѣетъ право, какъ на дальнѣйшее свое воспитаніе, онъ дѣлаетъ преступленіе правомъ на благодареніе. Такимъ образомъ, вопреки справедливости, эта теорія ставитъ преступника въ лучшее положеніе, нежели чловѣка, ни въ чемъ не провинившагося. Считая наказаніе средствомъ къ исправленію, которое должно исчезнуть, какъ только исправленіе не является болѣе необходимымъ, она также нарушаетъ справедливость, такъ какъ вслѣдствіе такого взгляда самое тяжкое преступленіе (напр. убійство) должно было бы остаться совершенно не наказаннымъ, если исправленіе преступника доказано, между тѣмъ какъ самыя незначительныя дѣянія могли бы повести къ долговременному заключенію.

Изъ сказаннаго видно, что относительныя теоріи не даютъ удовлетворительнаго понятія объ основаніи и существѣ наказанія, поэтому обратимся къ теоріямъ *абсолютнымъ*, которыя вообще заключаются въ томъ, что основываютъ наказаніе на нравственномъ требованіи

уравненія совершеннаго дѣянiя, поэтому наказанiе находитъ вѣрное мѣрило въ наказуемомъ злодѣянiи.

Эти воззрѣнiя были въ особенности развиваемы Кантомъ, Гегелемъ и его послѣдователями Обезомъ, Кестлиномъ, Бернеромъ, а затѣмъ и Гербартомъ и его школою, между тѣмъ какъ приверженцами такъ называемой *гражданской теорiи справедливости* они были крайне (разведены водою) опошлены и чуть-ли не превращены въ принципы теорiи предупрежденiя. Кантъ исходилъ изъ мысли, лежащей въ основанiи закона о возмездiи (Талiонъ). Но, предписывая причиненiе преступнику такого зла, которое количественно и качественно было бы равносильнымъ совершенному имъ злодѣянiю, Талiонъ, помимо своей безнравственности и жестокости, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудобопроводимымъ и даже невозможнымъ для справедливаго уравненiя (напр. въ политическихъ преступленiяхъ, богохульствѣ, изнасилованiи и пр.), такъ какъ онъ устанавливаетъ лишь внѣшнее мѣрило наказанiя (око за око, зубъ за зубъ), причемъ совершенно упускается изъ виду психическое дѣйствiе преступленiй и наказанiй.

Теорiя Гегеля исходитъ изъ ничтожности неправа; при подобномъ предположенiи, не будь оно одною только фразою, было бы лишнимъ и даже невозможнымъ уничтожить наказанiемъ вину, уже, по существу своему, неправую. Притомъ она опирается на, не выдерживающее критики, раздѣленiе проступка на три категории и упускаетъ изъ виду, что преступленiе вообще не всегда есть или должно быть неправомъ, правонарушенiемъ. Школа Гербарта избрала другую исходную точку. Она ссылается на нравственную идею возмездiя или уравняющей справедливости, въ силу которой каждое благо и каждое злодѣянiе должно быть вознаграждено возмездiемъ дѣятеля одинаковымъ количествомъ добра или зла. Этимъ отнюдь не оправдывается требованiе Талiона, который своимъ развращающимъ дѣйствiемъ лишь увеличиваетъ зло и тѣмъ самымъ противорѣчитъ понятiю объ уравненiи. Качество средствъ наказанiя болѣе опредѣляется идеею права, требующею обезпеченiя праваго порядка и идеею благоволенiя, стоящею за исправленiе преступника. При предположенiи, слѣдовательно, свободнаго выбора средствъ наказанiя, должно быть предпочтительно то изъ нихъ, которое въ высшей степени обезпечиваетъ равновѣсiе праваго порядка и дѣлаетъ возможнымъ исправленiе

преступника. Но тѣмъ не менѣе преслѣдованіе подобныхъ цѣлей наказанія не должно вести къ нарушенію принципа наказанія: *возмездіа*. Заслуженное количество зла должно быть причиняемо преступнику и лишь въ этихъ предѣлахъ задачей карательной власти представляется обезпеченіе правового порядка, исправленіе преступника. Такимъ образомъ все истинное и справедливое, содержащееся въ относительныхъ теоріяхъ достигаетъ достойнаго значенія. Требованіе о возмездіи есть общее и безусловное для всѣхъ видовъ преступленія, но не всегда государство обязано осуществить это возмездіе отправленіемъ своей карательной власти, или иначе, не всякое злодѣяніе есть преступленіе въ смыслѣ уголовного права.

§ 3. Историческій обзоръ уголовного права. Обращая вниманіе на историческое развитіе уголовного права, мы замѣчаемъ, что только въ позднѣйшее время является мысль о нравственной обязанности государства наказывать преступленія. Для того чтобы обладателямъ государственной власти могло быть предоставлено право на жизнь и смерть, свободу и честь, необходимо также прочное государственное устройство. Гдѣ образованіе государства несовершенно, тамъ мы замѣчаемъ, что воздаяніе за совершенныя преступленія предоставляется другимъ жизненнымъ сферамъ. Въ началѣ историческихъ временъ оно опредѣляется съ одной стороны *семейственными правами*; съ другой — *теократическими возрѣніями*. Семейство приписывало себѣ право относительно своихъ членовъ, право простиравшееся до права надъ жизнью и смертью; съ другой стороны, оно считало себя оскорбленнымъ чрезъ оскорбленіе своихъ членовъ и нерѣдко искало удовлетворенія противъ постороннихъ правонарушителей самымъ кровавымъ путемъ. Но есть и другаго рода дѣянія, которыя считаются оскорбленіемъ божества, гнѣвъ котораго можетъ быть успокоенъ не только наказаніемъ, но даже и истребленіемъ нечестиваго. Такимъ образомъ, оба рода уголовного права, семейственное и теократическое, ведутъ къ жестокости, кровавой мести и къ очищенію грѣховъ чрезъ жертвоприношеніе.

Мало по малу начинаетъ проявляться мысль о государственномъ уголовномъ правѣ. Усилившееся государство видитъ въ значительныхъ преступленіяхъ нарушеніе его правового порядка, его мира и возстаётъ противъ этого; весьма естественно, что сначала эта

реакція является при прямомъ нападеніи на государство т. е., при государственныхъ преступленіяхъ, а затѣмъ уже и при преступленіяхъ частныхъ. Государственная власть присоединяетъ еще и власть наказывать, какъ важный придатокъ къ праву и силѣ и соблюдаетъ ее въ духѣ системы устрашенія, не обращая вниманія на благо преступника и нерѣдко пользуясь ею для собственныхъ цѣлей и для обогащенія государственной казны. Только впоследствии начинаетъ господствовать сознаніе обязанности государства наказывать во имя нравственныхъ идей и только въ нравственномъ духѣ. Въ этомъ историческомъ развитіи всюду вліяли и религіозныя воззрѣнія, именно въ то время, когда церковное право распространяло свою власть и на опредѣленіе свѣтскихъ и государственныхъ отношеній. Для образованія нынѣ дѣйствующаго въ Германіи уголовного права имѣло громадное значеніе, кромѣ собственнаго, принятое чужое право, *римское* и *каноническое* уголовное право. Поэтому необходима краткая характеристика этихъ двухъ системъ права.

Римское уголовное право находится далеко не на такой степени превосходства, какъ римское гражданское право. Оно никогда не развилось до совершенно образовавшейся системы права. Послѣ того, какъ господство религіознаго права съ одной стороны и семейной частной мести съ другой было разрушено усилившеюся государственною властью, послѣдняя, тѣмъ не менѣе, всегда ограничивалась постановленіемъ отдѣльныхъ законовъ для специальныхъ случаевъ. Эти законы вызываемые сильнымъ распространеніемъ нѣкоторыхъ преступленій и возникая одновременно, не были связаны ни идеею общаго закона о принципахъ уголовного права, ни развитіемъ систематическаго ученія о составѣ преступленія и потому самому не могли образовать одного органическаго цѣлага, свободнаго отъ противорѣчій и недостатковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно проявлялось остроуміе римскихъ юристовъ при толкованіи уголовныхъ законовъ, но известное отвращеніе этихъ юристовъ къ общимъ выводамъ и преобладающее пониманіе преступленій въ смыслъ частнаго права тормозили науку въ ея развитіи, именно въ томъ отдѣлѣ права, которому, при недостаткѣ деталей, могла бы дать болѣе прочное основаніе, равно какъ побужденіе къ дальнѣйшему развитію, лишь связь общаго ученія. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что съ одной стороны проступки, принадлежащіе по нашему современному нравственному

воззрѣнію къ области уголовного права, подвергались у Римлянъ, какъ такъ называемые частные проступки, простому гражданскому суду, съ другой въ терроризмъ, господствовавшемъ при караніи государственныхъ преступленій, проявлялся весь присущій Римлянамъ деспотизмъ, противорѣчащій понятію о правѣ, чѣмъ также объясняется стремленіе уничтожить мечемъ и огнемъ сопротивление, встречаемое христіанствомъ, сдѣлавшимся впоследствии господствующей религіей. Въ противоположность частному праву, вращающемуся на нейтральной почвѣ, уголовному праву безпрестанно угрожаетъ утрата его научнаго характера, вслѣдствіе его тѣсной связи съ областью государственныхъ и церковныхъ формъ. Изъ приведеннаго развитія римскаго уголовного права вытекаетъ, что при немъ не можетъ быть и рѣчи о, всѣмъ управляющемъ, принципѣ наказанія. Но въ римскомъ правѣ характеристично, что субъективный элементъ имѣетъ перевѣсъ при разсмотрѣніи состава преступленій, слѣдствіемъ этого была склонность наказывать за покушеніе на преступленіе, такъ же строго, какъ и за совершенное дѣяніе; напротивъ, дѣянія, совершенныя только по неосторожности (*culpa*) разсматривались гражданскимъ судьей. Римской системѣ наказанія присуща большая мягкость (исключая отношеній къ рабамъ и не римлянамъ). Изгнаніе изъ отечества считалось тогда такимъ зломъ, что римскій гражданинъ могъ избѣгнуть всякаго наказанія, какъ только онъ добровольно соглашался на оставленіе отечества. Въ противоположность этому уголовное право времени императоровъ развиваетъ терроризмъ, именно противъ политическихъ преступниковъ, который доходитъ даже до наказанія дѣтей и внуковъ послѣднихъ.

Каноническое право считаетъ преступленіе *грѣхомъ*, т. е. оскорбленіемъ божьей заповѣди; вслѣдствіе этого съ одной стороны, придавали почти исключительное значеніе субъективной сторонѣ преступленія, такъ что даже простая грѣховная мысль почти уравнивается съ дѣяніемъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны реакція противъ преступленія является обязанностью церкви. Церковное наказаніе должно имѣть мѣсто для того только чтобы примирить преступника съ Богомъ и возвратить его на путь истины. Церковь не желаетъ смерти грѣшника, но его исправленія. Это истинно христіанское воззрѣніе является неузнаваемымъ, когда еще и въ настоящее время фанатики всѣхъ вѣроисповѣданій утверждаютъ, что смертная казнь

есть постановленіе христіанства. Защитники подобнаго ученія возвращаются къ точкѣ зрѣнія стараго еврейскаго права и ихъ Богъ есть строгій Іегова, наказывающій дѣтей и потомковъ за грѣхи родителей.

На преобразование свѣтскаго уголовного права церковь вліяла тѣмъ, что она судила не только за чисто церковныя преступленія (*delicta ecclesiastica*), но и за такъ называемыя *смѣшанныя дѣянія*, *delicta mixta*, т. е. преступленія, имѣющія близкое отношеніе къ церковнымъ постановленіямъ, каковы: нарушеніе супружеской вѣрности, кровосмѣшеніе, мужеложство, ворожба, колдовство и пр. Распространеніе церковнаго суда съ его организаціею во многихъ отношеніяхъ дѣйствовало благотворно въ средніе вѣка при безсиліи, разрозненности и безпомощности свѣтскаго уголовного права. Благодаря церкви явилось противодѣйствіе вліянію званія и сословія преступника, характеризующее средніе вѣка. Для церкви всѣ люди считаются людьми Бога, даже и князь не есть для нея *legibus solutus* и въ этомъ смыслѣ она старается провести основаніе равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ древнегерманскомъ уголовномъ правѣ мы находимъ, на ряду съ теократическими воззрѣніями, весьма распространенное дѣйствіе частной мести. Право отмщенія было почти всюду признаваемо и народные суды тогда только начинали свою дѣятельность, когда были къ тому призываемы оскорбленнымъ, такъ какъ послѣдній могъ, конечно отказавшись отъ частной мести, требовать пени, *compositio*, которая при убійствѣ называлась вирой (*Wergeld*). Эта пеня являлась какъ вознагражденіе за вредъ, за причиненное оскорбленіе; кромѣ того правонарушитель платилъ еще общинѣ такъ называемое *Friedensgeld*. Это пониманіе наказанія, какъ вознагражденія за вредъ, вело къ тому, что преступленіе оцѣнивалось по преимуществу внѣшнимъ образомъ, смотря по вреду, имъ причиненному и, въ противоположность римскому и каноническому праву, придавалось меньшее значеніе субъективной сторонѣ преступленія. Но, съ одной стороны, здѣсь многое измѣнили церковныя воззрѣнія, а съ другой стороны съ усиленіемъ королевской власти взяли перевѣсъ общественныя личныя наказанія. Но тѣмъ не менѣе въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ не удалось совершенно устранить права мести и системы вознагражденія. Несчастныя политическія обстоятельства, распаденіе государства на сотни почти независимыхъ территорій,

беспомощность нѣмецкихъ судебныхъ учреждений и громадныя недостатки въ уголовномъ судопроизводствѣ — все это содѣйствовало тому, чтобы положеніе уголовного права было почти невыносимымъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ начали искать помощи въ воспріятіи римскаго и каноническаго права. Но въ области уголовного права подобное воспріятіе было немислимо вслѣдствіе внутренней связи этой части права съ правовыми отношеніями государства и национальнымъ нравственнымъ воззрѣніемъ; отсюда то явилась необходимость всеобщаго уголовного законоположенія. Поводъ къ его составленію дали часто повторявшіяся жалобы на несообразности въ уголовномъ судопроизводствѣ. Послѣ различныхъ приговорительныхъ работъ, въ 1832 году явился на рейхстагъ въ Регенсбургъ государственный законъ, обнимающій уголовное право и судопроизводство, озаглавленный «уголовный сводъ или *Constitutio Criminalis Carolina* (с. с. с.). Основой этого изданія служитъ уголовный сводъ, составленный барономъ Шварценбергомъ и обнародованный въ 1507 г. въ Брамбергскомъ епископствѣ. Впрочемъ, С. С. С. было обнародовано, какъ вспомогательный законъ существующихъ частныхъ правъ. Такимъ образомъ оно не могло имѣть надлежащаго дѣйствія, хотя и стоитъ на относительно высшей степени совершенства, нежели частныя законы 16-го и даже 17-го вѣка. *Carolina* существенно содѣйствовала всеобщему ученію объ уголовномъ правѣ и при этомъ, равно какъ и при возстановленіи правилъ состава преступленія, весьма счастливо сочетала римскія и нѣмецкія воззрѣнія. Къ сожалѣнію, состояніе доктрины и практики вплоть до 18-го столѣтія было весьма жалкое, такъ что научное пониманіе *Carolin*'ы было достигнуто тогда только, когда она своими жестокими наказаніями стала противорѣчить болѣе мягкимъ нравамъ того времени. Сама *Carolina* признавала римское и каноническое права, какъ заимствованныя и ссылалась на нихъ для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ. И такъ, правовое состояніе до 18-го столѣтія резюмировалось такъ, что на первомъ планѣ являлось частное право и, какъ нѣчто вспомогательное, *Carolina* вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими государственными законами, а на второмъ планѣ — заимствованное чужое право. Такимъ образомъ, многое было предославлено наукѣ, которая однако оказалась неспособной для трудной работы — привести источники права къ гармоническому цѣлому. Только въ началѣ 18-го вѣка уголовное